

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МД-275.2009.6.

Л.Г.Фишман

СЛИШКОМ МНОГО ЭКЛЕКТИКИ¹

Ключевые слова: идеология, эклектика, монизм, плюрализм, правое политическое мышление, левое политическое мышление

С точки зрения многих философов эклектика не только не является «грехом», но, напротив, занимает равноправное место среди других философских методов; она — необходимый этап познания в ситуации, когда собственная точка зрения по какому-либо вопросу еще не выработана.

В политике дело обстоит иначе.

В недалеком по историческим меркам прошлом упрек в идеологической эклектике был обычным оружием в руках полемистов; он использовался тогда, когда требовалось наиболее основательно подорвать доверие к соперничающей идеологии. Особенно часто прибегали к нему идеологи, претендовавшие на обладание монистическим, последовательным мировоззрением. Теперь времена иные: на политической арене уже не встретишь значимых партий и движений, которые могли бы претендовать на однозначный идеологический монизм (хотя среди публицистов такие еще встречаются). Однако упрек в идеологической эклектике является обычным и сегодня. Во всяком случае, только ленивый, вне зависимости от своих убеждений, не бросает мимоходом, что идеологии, программы партий, взгляды политических деятелей, отражающиеся, к примеру, в президентских посланиях или политической публицистике, — эклектичны.

С такого рода эклектикой мы уже почти смирились как с неизбежным злом, а многие даже оправдывают ее как свидетельство реалистичности идеологий и программ. К тому же установки тех, кто обвиняет в эклектичности чужие воззрения, отнюдь не всегда представляют собой образец той последовательности, которую, вероятно, следовало бы называть идеологическим монизмом.

Однако тут как раз и складывается странная ситуация. Слово «эклектика» в области политики, похоже, нет общепринятого антонима, хотя очевидно, что им должен быть «монизм». Но монизм обычно противопоставляется плюрализму. Так удобно. Немного найдется сейчас таких, кто решился бы оспаривать необходимость в политике разных точек зрения. С другой стороны, монизм есть нечто потенциально плохое и опасное: «Излишне напоминать, что монизм и вера в единый критерий всегда были источником глубокого интеллектуального и эмоционального удовлетворения. Не важно, выводится ли критерий оценки из того, как видится будущее совершенное состояние философам восемнадцатого столетия и их технократическим последователям в наши дни,

² Берлин 1998: 34.

или он коренится в прошлом — *la terre et les morts*, — как полагают немецкие историки, французские теократы и неоконсерваторы в англоязычных странах, но он обязательно, в силу своей негибкости, натолкнется на некоторый непредвиденный ход человеческой истории, который не будет с ним согласовываться. И тогда этот критерий можно будет использовать для оправдания прокрустовых жестокостей — вивисекции реально существующих человеческих обществ в соответствии с установленным образцом, который диктуется нашими, подверженными ошибкам представлениями о прошлом или будущем, а они, как известно, во многом, если не полностью, — плод нашего воображения»².

Исходя из подобных установок, мы склоняемся к тому, что как в политической жизни необходим плюрализм идеологических позиций, так и в рамках одной партийной программы или идеологии он скорее полезен. В конце концов, люди, на которых ориентируется та или иная партийная программа, имеют разные цели. Другими словами, эклектичность политических взглядов сегодня скорее правило, чем исключение. Некоторые отмечают, что эклектика вообще характерна для эпохи постмодерна; другие говорят, что совсем неэклектичных идеологий в принципе не бывает, — и с ними можно согласиться, поскольку история политической мысли свидетельствует именно об этом.

Поэтому, когда мы сталкиваемся с, так сказать, «плюрализмом внутри одной идеологии», то есть с собственно эклектикой, у нас просто не оказывается «приличного» понятия, на основании которого мы могли бы эту эклектику осудить. Мы бы и рады воззвать к монизму, но он дискредитирован; мы произносим упрек в эклектике — но он повисает в воздухе.

Здесь возникают два вопроса, попыткам ответа на которые посвящена эта статья. Во-первых, почему идеологическая эклектика стала нормой в политической жизни конкретно России? Во-вторых, почему в ситуации почти всеобщего (пусть и несколько вынужденного) признания неизбежности и даже необходимости идеологической эклектики упрек в эклектичности все равно периодически высказывается?

На первый вопрос мы, конечно, могли бы ответить, что в постмодернистскую эпоху крушения метанарративов автоматически сокращается и всякая претензия на идеологический монизм. Но этот ответ несколько избыточен. В действительности, на наш взгляд, дело обстоит проще: эклектика завладела у нас политическим спектром потому, что он сильно сдвинулся вправо, в сторону консерватизма, правое же политическое мышление изначально предрасположено к эклектичности.

Из ответа на первый вопрос вытекает ответ на второй. Если правое политическое мышление предрасположено к эклектике, то левое — к идеологическому монизму. Идеологический же монизм склонен выдвигать требования всеобщего характера и потому радикально моралистичен. Идеология одновременно оказывается и моралью. Но потребность в присутствии морали в политике сохраняется и в эпоху торже-

ства идеологической эклектики. Иначе говоря, упрек в эклектике в наше время является скрытым упреком в аморальности.

Попробуем обосновать выдвинутые предположения.

Итак, мы исходим из того, что есть идеологии, в большей или меньшей степени предрасположенные к эклектике, и именно в этом кроется разгадка того, почему эклектика в сфере политической идеологии господствует конкретно у нас.

Причина в том, что подавляющая часть наших политических сил — правые, консервативные по природе. Да и могло ли быть иначе, если официальное мировоззрение (если таковое имеется) в путинское десятилетие отчетливо эволюционировало вправо? Этот дрейф ясно просматривается уже на уровне государственной символики: вначале ввели полусоветский гимн, герб с монархическим двуглавым орлом и республиканский трехцветный флаг, потом отменили однозначно левый праздник 7 ноября и заменили его 4 ноября, которое, пусть и без явного желания власти, тут же превратилось (и не могло не превратиться) в «День националиста». И такое «постмодернистское» сочетание противоположных символов вовсе не свидетельствует об отсутствии *всякой* идеологии. Ибо подобного рода эклектика есть свойство вполне определенного образа политического мышления — *правого*. Даже в тех из присвоенных нынешней властью элементов символики, которые формально принадлежат советскому прошлому, подчеркивается вовсе не их левизна, а исключительно правые элементы — этатизм, державность и т.д.

Еще менее удивительно, что по мере того, как возобладало правое политическое мышление, в России произошел сдвиг вправо всего идеологического поля: все значимые политические силы у нас сейчас определены правого толка, какими бы лозунгами они ни прикрывались. Аналогичный вывод можно сделать и для Европы, если согласиться с Ульрихом Беком в том, что доминирующие там политические течения, по сути, представляют собой различного рода «протекционизмы» — красный, черный, зеленый и т.д.³ — по определению стремящиеся что-то прежде всего сохранить и защитить. Мы живем в век эклектики просто потому, что весь идеологический спектр сдвинулся вправо.

Как вообще возникает идеологическая эклектика?

Она возникает, когда пытаются обосновать самоочевидные для значительной части общества практики, те, по поводу которых уже сложился устойчивый консенсус. Если такого консенсуса нет, приверженцы разных идеологий оказываются перед необходимостью создавать в значительной мере абстрактную, а потому последовательную и непротиворечивую картину мира. Почва для эклектики в подобных условиях не слишком благоприятна. Кроме того, каждое только что возникшее политическое движение, особенно левого толка, поначалу подчеркивает свою идейную специфику; его идеологи ревностно блюдут чистоту мировоззрения.

Однако когда новая идея становится общепринятой (скажем, в виде сложившегося сегодня на Западе либерально-консервативного

³ Бек 2004: 49.

консенсуса), ее обоснование неизбежно приобретает эклектический характер. В сфере идеологии во многом воспроизводится та же картина, что и в области морали в эпоху секуляризации. Когда-то обоснование доминирующей морали было четким, завязанным на каноны религиозного учения. Мораль выводилась из десяти заповедей и санкционировалась авторитетом Бога и Церкви. В эпоху секуляризации на уровне социальной практики люди в целом придерживаются той же самой морали, соблюдают те же заповеди. Но обоснования этой морали начинают множиться — в форме теорий утилитаризма, разумного эгоизма, эмотивизма и т.д. В итоге человек секуляризованного общества, как правило, может не задаваться вопросом, почему он поступает так, а не иначе. Если же такой вопрос возникает, то всегда можно найти для своих поступков ряд мировоззренческих обоснований. Поэтому современное этическое сознание чрезвычайно эклектично, и у большинства эта эклектика не вызывает видимого беспокойства.

В сфере идеологии секуляризация занимает еще меньше времени. Еще относительно недавно «большие идеологии» Модерна не без оснований уподобляли религиям, поскольку они являлись попытками сформулировать целостное мировоззрение с элементами трансценденции (пусть не подлинной, а исторической) и с прямым выходом на практику — то есть в сферу заповедей, определяющих поведение индивидов. Век идеологий был в каком-то смысле веком квазирелигиозной рациональности: как паства могла соотносить речи своего пастыря с его поведением, так и избиратель мог сопоставлять речи политика с его реальной деятельностью. И если политик начинал действовать не так, как было обещано, да к тому же пытаться обосновать это отступление заимствованием отсутствовавших в исходной доктрине элементов, налицо была измена в идеологии (в виде эклектики) и на практике (в виде оппортунизма). Решившемуся на такое политику требовалось убедить своих сторонников, что никакой эклектики в его взглядах нет, что они являются творческим развитием исходной доктрины — и даже единственно верным вариантом ее развития. Кто не согласен — назывался догматиком. Показательно, что всем, отступавшим от догм, как это сделал, например, Ленин по вопросу о НЭПе, а до того — по вопросу о социалистической революции в отсталой стране, сразу бросался упрек в заимствовании тезисов из иных учений и политических программ, а также в беспринципном прагматизме. С этой точки зрения эклектика есть признание собственного бессилия решить теоретические вопросы на основе своего учения; бессилие компенсируется поиском готовых ответов у конкурентов и оппонентов.

Нетрудно заметить, что приведенные нами примеры заражения эклектикой леворадикальных идеологий связаны с заимствованием идей из правой части идеологического спектра. Что касается правого, консервативного, даже революционно-консервативного мышления, то оно обречено на эклектику самой логикой своего существования. Почему так получается?

Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего нужно понять, какова противоположность эклектики в сфере идеологии. Очевидно, что ею является идеологический монизм — феномен по нынешним временам чрезвычайно редкий, но тем не менее постоянно присутствующий на заднем плане политической культуры.

Итак, упрек в эклектичности бросается с позиции, которая подразумевает (насколько оправданно — другой вопрос) наличие некоего монистического, целостного взгляда на историю, общество, природу человека. Идеологический монизм обычно подразумевает монокаузальность. Монокаузальность органически дополняется высокой степенью абстрактности и всеобщности целей и влечет за собой формулирование определенных мировоззренческих императивов.

Поэтому идеологический монизм по природе очень моралистичен. Даже если его уже фактически нет, у сторонников некогда великих монистических учений остается моралистическая претензия; это что-то вроде улыбки Чеширского кота, висящей в воздухе после того, как сам кот уже исчез.

Левое сознание, даже та его разновидность, которая восходит к «умеренной» и в целом «плюралистичной» либеральной идеологии начала Нового времени, уже в своих основаниях демонстрирует эту всеобщность — со всеми вытекающими из нее следствиями. Карл Манхейм как-то заметил по этому поводу:

«Странное явление — эта либеральная идея Нового времени, борющаяся на два фронта, возвышенная и фантастическая одновременно. Идеалистическому сознанию, далекому от визионерства хилиастов с их концепцией реальности и обращением к Богу, было столь же чуждо консервативное, узкоограниченное господство над вещами и людьми, с его „почвенническим“ и временным представлением о мире...

Это сознание слишком нормативно по своей направленности (курсив наш. — Л.Ф.), чтобы заниматься бытием как оно есть. Поэтому оно выстроило собственный идеальный мир таким, каким он должен быть»⁴.

⁴ Манхейм 1994: 187.

Иначе говоря, моралистическая нормативность, стремление предписывать миру свои представления о должном заложены в природе любой идеологии, ведущей свое происхождение от либерализма.

Тот факт, что, например, марксизм и некоторые другие разновидности социализма вначале подчеркнуто избегали морализаторских рассуждений, нисколько не противоречит сказанному выше. Монистический морализм в левых учениях вытекает из целей движения, которые несут ярко выраженный *всеобщий* характер.

Это значит, что высокая степень морализма автоматически присуща левым, даже если о морали говорят, только отвечая на выпады идейных противников. Монистическая идеология просто не нуждается в отдельном учении о морали; она сама по себе — и политическая программа, и моральный кодекс. Потребность в такого рода учении появляется у «оппортунистов» и правых. Поэтому идеологический монизм, изна-

чально присущий политической мысли леволиберального спектра, представляет собой прежде всего моральный вызов. По крайней мере, с точки зрения консервативных и реакционных сил это выглядит именно так. Раньше был уютный спокойный мир, в котором привычная мораль столь же привычно оправдывала имеющиеся виды несправедливости и неравенства. Теперь же поставлены под сомнение и этот мир, и легитимирующая его мораль. Если не ответить на этот вызов, дело проиграно. В силу этого консервативный, да и всякий правый ответ является по необходимости в первую очередь морализаторским и только потом затрагивает другие вопросы. Это создает иллюзию, что морализаторство — исконное поле правых. В действительности же правоконсервативный ответ есть реакция общностей, которые в сфере морали ограничены весьма узкими, частными рамками своих интересов, на вызов со стороны социальных групп, мораль которых имеет претензию на всеобщность.

Есть огромная разница в моральной подоплеке учений, которые хотят «счастья для всех и чтобы никто не ушел обиженным», и учений, которые хотят счастья для отдельной нации, страны, социальной группы и т.д. Этот упор на частное в ущерб всеобщему легко замечается, когда консерваторы берутся сформулировать свою позицию. Так, анализируя современный российский идеологический консерватизм, Михаил Ремизов сразу же обнаруживает, что его позиции на политическом поле определяют такие регулятивные принципы, как *цивилизационный антиглобализм, экономический солидаризм, демографический национализм, государственный легитимизм и религиозный традиционализм*⁵. Понятно, что в своем обнаженном виде правая идея довольно цинична и эгоистична — то есть «реалистична» в худшем смысле этого слова, и, чтобы компенсировать свою глубинную аморальность, вызванную приверженностью частным целям, правые идеологии всегда апеллируют к морали. «Мы убеждены, — доказывает, например, председатель Национального совета партии «За нашу Родину!» Александр Владимиров, — что без национальной идеологии, понимаемой как собственное нравственное национальное мировоззрение, а значит, без нравственных оснований национальной стратегии невозможно никакое позитивное развитие. Опыт истории человечества говорит о том, что все изначально безнравственное, при всей своей первоначальной кажущейся эффективности, в конечном счете (и все равно) выявляет свою генетическую порочность и терпит исторический крах»⁶.

⁵ Ремизов 2006.

⁶ Владимиров 2010: 4.

В результате складывается впечатление, что для правых идеология — это в первую очередь мораль. Вначале они формулируют мораль, потом подгоняют под нее совокупность теорий, которые, как им кажется, способны осуществить ее на практике. Это и есть схема правого эклектического сознания. Но тут возникает трудность: из обломков заимствованных теорий постулированная заранее мораль может и не вытекать. А так как теориями руководствуются в реальной жизни, моральные следствия часто отличаются от изначально постулированных.

Отступающие социальные группы хотят сохранить свое положение и поэтому вынуждены прибегать к моралистическому обоснованию того, что раньше казалось очевидным безо всякого обоснования. Поскольку же для политической борьбы одного морализаторства мало, его приходится достраивать элементами подходящих мировоззрений — в соответствии с ситуацией, текущими интеллектуальными модами и т.д. Причем элементы могут быть заимствованы откуда угодно, часто откуда, откуда привычней их заимствовать, — пусть даже из левых политических доктрин. Так, собственно, и возникает эклектичное по природе правое политическое сознание. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, в какой ситуации возникли «идеологии» КПРФ, ЛДПР, единокороссов, «Справедливой России» и из каких элементов они состоят. «Идеологии» КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России», как известно, представляют собой сплав консервативной, социал-популистской и державно-националистической риторики. Правящая «Единая Россия», вступив в Центристский демократический интернационал, открыто позиционировала себя в качестве консервативной партии с элементами социал-консерватизма⁷.

⁷ Вовчук 2009: 140.

Итак, правому сознанию эклектика присуща в большей степени, чем левому. И понятно почему: желающий что-то законсервировать не слишком разборчив в идеологических обоснованиях своего желания. Для него обычно достаточно аргумента, идущего от практики: это работает, как работало в прежние времена. Но почему это работает сейчас и почему оно непременно должно работать и дальше? Ответить можно по-разному, и нередко этот ответ будет носить чисто тавтологический характер. Если становится популярным мнение, что монизм в идеологии (мировоззрении) соответствует моральности в политике, правым мыслителями приходится отвечать на вызов и пытаться сформулировать какую-то стройную доктрину. И наоборот, если монизм больше не свидетельствует о моральности в политике или же является сугубо формальной данью прошлому, то и с правых идеологов снимается тягота мировоззренчески последовательного ответа на морально-политический вызов.

Мы имеем возможность проследить этот процесс на примере перерождения коммунистической идеологии. Если поначалу ее пророки придерживались последовательно монистического мировоззрения, навлекая на себя упреки в догматизме, то уже спустя несколько лет после революции посыпались упреки в отступничестве и предательстве; сталинская же доктрина построения социализма в одной стране и вовсе воспринималась как прямой отказ от идеалов Октября в пользу возрождения империи под другим флагом. Характерно, что трансформированная коммунистическая идеология не смогла обойтись без национализма. Как подчеркивает Эдуард Понарин, «в России всегда так получалось, что национализм приплетали для спасения проваливающихся проектов. Скажем, в 1929 г. стало ясно, что коммунистическая утопия не состоялась. Сталин немедленно отбросил ее космополитическую со-

⁸ Гамалов 2004.

⁹ *Оппортунист — другое название эклектика, поскольку он, применяясь к ситуации, выбирает из идеологического арсенала адекватные ей инструменты и лозунги.*

¹⁰ Джилас 1992.

¹¹ Гамалов 2004.

¹² Хобсбаум 1990: 240.

¹³ Ольшевский б.г.

ставляющую и инициировал национал-коммунизм, странный и убийственный гибрид»⁸. Николай Устрялов заметил это перерождение еще в 1920-е годы и с энтузиазмом приветствовал его, гордо называя себя «оппортунистом»⁹. В идеологиях восточноевропейских коммунистических режимов этот процесс оказался еще более ярко выраженным. Когда Милован Джилас писал о них в 1950-е годы, то указывал на их страшную эклектичность¹⁰.

Точно так же сегодняшний официальный национал-либерализм представляет собой попытку «снять все прежние идеологические противоречия. У нас было великое прошлое. Великая Россия и великий СССР. Великие красные и великие белые. То есть подмена вектора масштабом, не важно даже, о масштабе строительства или кровопролития идет речь»¹¹.

Но с привлечением националистической риторики эклектичность правого сознания еще больше усугубляется. Не случайно Эрик Хобсбаум отмечал, что национализм может достигнуть подлинно массового влияния лишь в сочетании с лозунгами левого, религиозного, популистского или какого-то иного толка¹². Национализм *всегда* подразумевает эклектичность политического мышления. И, главное, национализм всегда нуждается в дополнении элементами идеологии, которая имеет более всеобщий характер, нежели он сам, то есть идеологии, которая в силу своей большей целостности и всеобщности способна придать ему хотя бы тень морального обоснования. Ведь, несмотря на все иллюзии на свой счет, у национализма *собственной морали нет* — по крайней мере, морали сколько-нибудь привлекательной, выходящей за пределы примитивной родовой солидарности. Национализм как таковой может быть своего рода эмоциональным допингом или даже технологией мобилизации масс, но не моралью.

Показательно в связи с этим, как на протяжении нескольких лет у нас муссировалась тема «национальной идеи». Попытка сформулировать такую идею породила самые причудливые эклектические синтезы. В нее пытались впихнуть все — начиная с уваровской триады «самодержавие — православие — народность» и заканчивая разнообразными сплавами традиционализма с советским социализмом. Любопытно, что сами по себе составляющие предлагаемых вариантов синтеза не были эклектичными. Это были элементы модернистских идеологий и утопий или же традиционной религии, то есть идейных комплексов, каждый из которых настаивал на существовании некоего универсального начала бытия, некоего всеобщего принципа, был ориентирован на поиск глубинных оснований личности и стремился охватить и описать все сферы человеческой активности так, чтобы сделать их своей частью и таким образом обезопасить себя от возможной критики¹³.

Словом, нет ничего неожиданного в том, что идейные платформы доминирующих политических сил современной России, так или иначе апеллирующих к националистической риторике, заслуживают упрека в эклектичности. Если правое политическое мышление вообще склонно

к эклектике, то национализм резко усугубляет эту склонность, делая эклектику неизбежной. Удивительно другое — то, что упрек в эклектике по-прежнему регулярно используется.

Казалось бы, политика давно уже приспособилась к господству эклектики. Тем не менее где-то в глубине души мы продолжаем считать, что эклектичность в политических взглядах есть признак неблагополучия; и это ощущение неблагополучия неустранимо, как бы мы ни пытались убедить себя и других в обратном.

Упрек в эклектике, когда он звучит сегодня, фактически равнозначен обвинению в аморальности. Когда упрекают в эклектичности взглядов, упрекают во всеядности, почти беспринципности. Для эклектика практические вопросы важнее мировоззренческих. Эклектики по определению выбирают нужное для достижения своих частных целей или целей своей партии, мало заботясь о непротиворечивости заимствованных из разных учений тезисов. Это позволяет подозревать эклектика в том, что он действует по принципу «цель оправдывает средства», а также в желании манипулировать людьми, подсовывая им вместо рациональной программы и мировоззрения смесь воздействующих на эмоции лозунгов.

Другими словами, получается, что эклектику нельзя доверять на личностном уровне. Ведь личность во многом определяется разделяемой ею системой ценностей, а та, в свою очередь, — мировоззрением, немаловажным элементом которого является политическая идеология. Целостное, монистическое мировоззрение подразумевает известную ригидность и предсказуемость поведения. Можно заранее предполагать, что данный политик не станет совершать каких-то действий, не станет к чему-то призывать и т.д. — поскольку это противоречит его идеологии. Он не будет этого делать, даже если это может принести ему ситуативную выгоду. Понятно, что политик с эклектическими взглядами в этом плане вызывает закономерные подозрения. Эклектичность на языке политики и сегодня означает аморальность, да и сам упрек в эклектике существует нынче только как упрек в аморальности.

Впрочем, политики и политтехнологи уже довольно давно научились обходить эту проблему. При отсутствии морально-идеологических гарантий поведения политика упор делается на его личные качества вроде субъективной честности и т.п. Эти качества не имеют никакого отношения к идеологии и мировоззрению, но выдвижение их на передний план призвано компенсировать недостаток идеологии и мировоззрения и тем самым хотя бы частично отвести упрек в эклектике. Иначе говоря, торжество «нецивилизованной харизмы» и «тирании интимности», о которых пишет Ричард Сеннет¹⁴, есть ответ на упадок идеологии как мировоззрения, обосновывающего в том числе и некий морально-политический проект.

В наше время идеологическая эклектика — доминирующий вид политического мышления, и в этом своем доминировании она стала главным морально-политическим вызовом. *Политику еще можно*

¹⁴ Сеннет 2002:
306—307,
390—394.

представить наполненной моральным содержанием, если за политическую власть состязаются политические силы, являющиеся приверженцами достаточно последовательных, монистических политических учений. Но когда монизм уходит из политики совсем, она лишается и морального содержания. Каких бы взглядов мы ни придерживались, мы все это чувствуем — и подразумеваем, когда бросаем упрек в эклектичности.

Если нам все еще доставляет беспокойство эклектичность тех или иных политических программ и идеологий и при этом мы не можем похвастаться наличием монистического мировоззрения у себя самих, то, очевидно, в нас говорит моральное чувство, которому глубоко противна мировоззренческая всеядность и которое может при определенных условиях послужить основой для развертывания новой морально-политической рациональности.

Не является ли периодически всплывающий упрек в идеологической эклектике не просто рудиментом прошлого, но и выражением какого-то глубинного представления о природе политики и идеологии, которое, несмотря на все произошедшие изменения, не может полностью исчезнуть?

Библиография

- Бек У.** 2004. Национальное государство утрачивает суверенитет // *Сумерки глобализации: Настольная книга антиглобалиста*. — М.
- Берлин И.** 1998. Две концепции свободы // *Современный либерализм*. — М.
- Владимиров А.** 2010. Основы стратегии развития национальной безопасности Российской Федерации-2050 «Безопасность через развитие» // *Знание-Власть. Концептуальное приложение к № 480* (<http://www.znanie-vlast.ru/archove/prilog/znan480pl.pdf>).
- Вовчук Д.** 2009. Серебренников С. Консерватизм как идеология ведущих политических партий Европы // *Власть*. № 3.
- Гамалов А.** 2004. Эдуард Понарин: «Мы живем в эпоху национал-либерализма» // *Огонек*. № 29 (<http://www.ogoniok.com/archive/2004/4856/29-18-19/>).
- Джилас М.** 1992. *Лицо тоталитаризма*. — М. (http://www.krotov.info/lib_sec/05_d/zhil/as_00.htm)
- Манхейм К.** 1994. Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени*. — М.
- Ольшанский Д.** *Основы идеологии модернизма* (<http://anthropology.ru/ru/texts/olshansky/modern.html>).
- Ремизов М.** 2006. *Консерватизм сегодня* (<http://pravaya.ru/govern/392/6943>).
- Сеннет Р.** 2002. *Падение публичного человека*. — М.
- Хобсбаум Э.** 1990. *Век империи: 1875—1914*. — Ростов-на-Дону.